

Светлана, многодетная мать, 36 лет

В нашей стране главная проблема не дураки и дороги, а водка.

Детство у меня прошло с бабушкой, особенно летом, когда я жила с ним на даче. Он больше других времени проводил со мной. Мы вместе возились с огородом, курами, утками, кроликами, и прочими — в голодные 90-е годы многие выживали натуральным хозяйством. Но моя самая большая проблема – это был его алкоголизм. Это было как два деда – пьяный и трезвый. Когда трезвый – строгий и напряженный, когда пьяный – добрый-добрый. Даже со спины я могла узнать, трезвый он или нет. И от его пьяной «доброты» было почему-то тошно, хотя он все мне разрешал.

Как-то – мне, кажется, было лет 8 – он в очередной раз завязал, и я сказала: «Дед, я тоже никогда в жизни не буду пить». Так я объявила войну водке. Для меня любой алкоголь – водка.

Подростком я была в гостях у друзей. Мне предложили пиво, и тогда я сформулировала это четко: «Я никогда не буду пить». В разных компаниях мне и так было весело без «допинга». На танцах, например, все стесняются, и, чтобы расслабиться, выпивают – а я могла спокойно пойти танцевать первой.

Когда мне было 14, у деда случилась белая горячка. Необратимые изменения в мозге. Последние 10 лет своей жизни он провел в психоневрологическом интернате. Там впервые, по его словам, он исповедался и причащался. Когда я смогла ездить сама, приходила к нему, помню этот выворачивающий запах, и этот страх: неадекватные, страшные мужчины разной степени одетости. Я просила иногда знакомых молодых родственников со мной пойти: им полезно, да и мне спокойнее.

Каждый раз, когда я вижу, что кто-то пьет, любое затяжное застолье, у меня очень четкое ощущение, что человек не видит, что стоит на краю обрыва – а я вижу. Это не болезнь и не детская травма, это как седьмое чувство.

Фотография изменена

Источник: miloserdie.ru